
История ботанических исследований

УДК 58.007

Михаил Афанасьевич Лисавенко основатель сибирского садоводства

О. А. Баранова, Н. И. Назарюк

Научно-исследовательский институт садоводства Сибири им М. А. Лисавенко,
г. Барнаул

Имя Михаила Афанасьевича Лисавенко навеки вписано золотыми буквами в историю садоводства Сибири. Ему удалось в самом начале своей деятельности – в 1920 году оценить природные богатства флоры Сибири и использовать их для создания новых для мирового производства пород и сортов – ягодников и плодовых растений. Он использовал для гибридизации сибирскую мелкоплодную яблоню, растущую в Забайкалье, курганскую степную вишню, уссурийскую сливу и грушу, камчатскую и алтайскую жимолость, алтайский горный крыжовник, алтайскую облепиху и калину, дальневосточный виноград, многие декоративные растения. Особое внимание М. А. Лисавенко уделял черной смородине, он собрал семена из 400 географических точек Сибири и Дальнего Востока, проводил многочисленные скрещивания с европейскими сортами. Он считал, что смородина, малина, крыжовник, облепиха определяют лицо сибирских садов, не раз повторяя, что этим культурам нужно отводить не меньше половины площади насаждений.

Михаил Афанасьевич был удачен во всем, и главное, что ему удалось сделать, – собрать единомышленников, которые трудились самоотверженно, глядя на своего всезнающего руководителя. Именно коллектив на своих плечах смог поднять такой колоссальный объем селекционной работы и одновременно, как бы вне плана, много сил и времени отдавать личному общению и переписке с садоводами Сибири и не только. Считалось обязательным для всех сотрудников, включая начинающих, принимать участие в закладке садов в хозяйствах, написании рекомендаций, в проведении экскурсий по дендрарию, который заложила и возглавляла З. И. Лучник. Всевозрастающий спрос на саженцы алтайских сортов породил большие площади питомников, где приходилось трудиться всему коллективу.

О начале своей деятельности по садоводству в Ачинске М. А. Лисавенко рассказал в «Крестьянской газете» от 17 декабря 1932 года так:

Двенадцать лет назад (в 1920 г.) мне пришлось побывать в саду красноярского садовода-опытника Крутовского. Из Красноярска я привез домой в Ачинск несколько штук сибирских яблонь, вишен и полсотни кустов крупноплодной земляники. Все это я посадил на своем приусадебном участке.

Но этого, конечно, было для меня мало. Мне хотелось иметь в своем саду настоящие крупные яблоки. И я повторил ошибку сибирских любителей плодово-ягодного садоводства: я занялся выпиской и посадкой деревьев из-за Урала. Они погибли. К этому времени я узнал о Мичурине и поспешил достать из его питомника несколько сортов яблонь с самыми «северными» названиями, вроде «Таежная», «Заря тайги», «Ермак» и др. Но и этих постигла та же участь.

В 1926 году по распоряжению председателя Ачинского исполкома тов. Аверьянова, живо интересовавшегося возможностями сибирского плодово-ягодного садоводства, мне был отведен участок площадью около 1 га. На этом участке я смог расширить свои первоначальные опыты.

Этот год явился вообще годом подъема сибирского плодово-ягодного садоводства и его легализации. О сибирском садоводстве начали писать и говорить. Понятие «сибирский сад» перестало быть чем-то зазорным, как это было раньше. Плодово-ягодным садоводством начали интересоваться и в районе. В моем саду проходили экскурсии учителей и школьников.

Кампания, поднятая за плодово-ягодное садоводство, не прошла бесследно и у нас. Колхозники на своих собраниях начали выносить и претворять в жизнь решения о создании садов. Вблизи Ачинска заложилась земляничная плантация инвалидной кооперации, совхоз ИТУ в нынешнем году (1932) начал организацию сада на 30 га.

К этому времени для меня стало ясным, поскольку свою работу и работу других сибирских садоводов я считал не искусством ради искусства, а насущным делом, что путь сибирского плодово-ягодного садоводства лежит, по крайней

мере на ближайший отрезок времени, не через яблоню или грушу, а через ягодники.

Инструктор «Союзплодоовоща» Дворсон, объехавший в 1930 году почти всю Сибирь, уговорил меня составить письменный доклад по этому вопросу и послать его в правление «Союзплодоовоща».

Я не замедлил это сделать. Одновременно я послал свой доклад в Ленинград, Всесоюзному институту ботаники и новых культур. Ленинград ограничился тем, что потребовал новые материалы, а из Москвы я так и не получил «ни ответа, ни привета». Решив, что ошибся адресом, я послал новый доклад Садвинтресту, но он оказался не менее молчаливым и «высокомерным», чем «Союзплодоовощ».

Как и всегда, наиболее отзывчивой оказалась печать. Моя статья «О проблеме сибирского плодово-ягодного садоводства» появилась в 11-м и 12-м номерах журнала «Сад и огород» за 1930 г. Одновременно и позднее я выступал в местной печати с несколькими статьями по вопросу создания в Сибири, в частности в Ачинском районе, плодово-ягодных совхозов.

Несколько слов о моей опытной работе. Пережив увлечение «иноземными» сортами, перепробовав сорта других сибирских плодово-ягодных культур, я за последние 3–4 года занялся выведением своих сортов путем посева.

Из плодовых растений, по понятным соображениям, меня стали интересовать ягодные кустарники, а из них особенно крыжовник.

Крыжовник, по моему мнению, должен занять самое почетное место на плантациях сибирских совхозов и колхозов. Я не видел нигде такого прекрасного крыжовника, как в Боготоле (60 км от Ачинска) у Э. М. Ковальке.

Несмотря на свой преклонный возраст, Ковальке неустанно работает в своем саду, представляющем настоящую сокровищницу для сибирского плодово-ягодного садоводства. Его крыжовник, крупный и вкусный, который он вывел путем посева английских сортов, – за-

мечателен. Он зимует под снегом, без всяких других покрывал.

У меня есть дикий сибирский крыжовник, который я несколько лет назад вывез из Хакасии. Мне удалось однажды найти также в одной деревне у переселенца-украинца, у которого в страшном запустении рос перед окнами крыжовник, привезенный много лет назад из Украины в Сибирь. Я раздобыл этот крыжовник и дал ему «человеческие» условия жизни. В нынешнем году (1932-й) он дал по 5–6 кг с куста. От него я имею сеянцы, которые с будущего года начнут плодоносить.

Я пытался произвести скрещивание этого крыжовника, а также крыжовника Ковальке, с нашим сибирским крыжовником. Но я не знал до последнего времени, как это сделать, так как сибирский крыжовник отцветает на декаду раньше, чем начинает цвести культурный крыжовник. Поездка к Мичурину научила меня этому искусству, и я «поженю» сибиряка-хакаса на потомке благородной англичанки.

От Э. Ковальке я привез семена курганской вишни, хотя и второй генерации, но все же в отношении величины и вкуса ягод оставляющей желать лучшего. Теперь я имею третье поколение этой вишни своего посева трехлетнего возраста. Думаю, что пройдет не более года и я дождусь первых плодов со своих вишен.

Но чем плоха сибирская черемуха? Ягоды ее очень вкусны. Есть черемуха с более крупными и более вкусными ягодами, чем обычно, а есть наоборот. Три года назад, по лазавшим дикого черемушника, я набрал ягод, выделявшихся среди других величиной и вкусом. Косточки этих ягод я посеял. Думаю, что мои сеянцы дадут плоды, которые превзойдут материнские и оправдают поставленную перед нами цель – создание сибирской плодовой черемухи.

Не забываю я и яблони. Но за крупным яблоком я теперь не гонюсь. Мне хочется вывести сибирскую ранетку, настолько уро-

жайную, насколько и абсолютно выносливую. Поставив такую цель, я иду к ней несколькими путями, чем обычно, а именно я не беру украинское или крымское яблоко и не их семена я высевая. Мне кажется, я стою на более правильном пути, делая посев семян от сибирских гибридов. У меня есть одно-, двух- и трехлетние посевы «Непобедимой», Тунгуса, Карагаса и других лучших сортов садовода Олониченко.

В заключение еще раз о себе. У меня, как и у моих питомцев, все в будущем. Теперь, когда я имею возможность всецело посвятить себя садоводству, не в качестве побочного третьестепенного, а основного дела, будущее рисуется для меня в тех же радужных красках, что и для моих питомцев.

Работать с новыми силами, создавать новые растения, работать, сознавая себя участником грандиознейшего, многообещающего дела, – такая это большая и светлая радость!

Михаилу Афанасьевичу на момент написания этой статьи исполнилось 35 лет, и впереди у него было еще ровно столько же для осуществления своей мечты о создании сибирского садоводства.

У Михаила Афанасьевича Лисавенко были замечательные родители. Отец сам выучился грамоте, был писарем в армии, стремился дать двум своим детям высшее образование, был хватким и дельным человеком. Организовав в деревне молочную ферму из нескольких коров, наняв на работу двух работников, он стал продавать масло и, скопив деньги, отправил в Красноярскую гимназию сначала дочь Марию, а через 4 года сына Михаила. В 1920-х годах советская власть стала называть крепких сельских тружеников кулаками и преследовать их. А.М. Лисавенко «размотал» хозяйство и перешел на службу Ачинской железной дороги. Судьба его была трагична. Сначала он был арестован и длительное время находился в заключении, потом был выпущен, а в 1938 году вновь аре-

станов и 11 марта 1938 году приговорен к расстрелу.

Мать М.А. Лисавенко была, как говорил Михаил Афанасьевич, замечательной огородницей, выращивала семена овощных культур и снабжала ими соседей. «Я все что-нибудь с матерью сажал или сеял», – вспоминал он позднее. Именно мать привила сыну любовь к растениям и земле.

Когда весной 1920 года Михаил Афанасьевич попал в сад Крутовского и тот дал ему саженцы вишни, яблони и рассаду земляники, подарок этот разбудил в нем любовь к садам. Ему было с кем посоветоваться. Кроме Крутовских, с которыми он породнился, женившись на их племяннице Зинаиде Николаевне в 1919 году, у него был постоянный советчик Алексей Иванович Олониченко – садовод-опытник из Красноярска. С его сыном Александром Михаил Афанасьевич учился в Красноярской гимназии, потом Александр заболел и в 1920 году умер. Алексей Иванович стал относиться к другу своего сына с отцовской теплотой и покровительством.

В Боготоле жил Эмиль Михайлович Ковальке. Письма его к Михаилу Афанасьевичу сохранились. Ковальке имел большие достижения в селекции крыжовника, вишни, яблони. Михаил Афанасьевич брал от него посадочный материал и увозил его в Ачинск на свою все расширяющуюся усадьбу. В Красноярске работал Никифоров. И.П. Бедро в Минусинске занимался бахчеводством и садоводством, вырастил и отобрал лучшие гибриды яблони, которые передал ему профессор Н.Ф. Кащенко из Томского университета. Были в селах переселенцы-латыши, которые выращивали садовую землянику и вывозили ее на продажу на рынок.

Поступив в 1917 году в Томский университет, Михаил Афанасьевич познакомился с ботаническим садом, организованным П. Н. Крыловым и профессором Н.Ф. Кащенко. Именно их мы должны чтить и считать первыми сибирскими садоводами-учеными.

Они заложили основы развития садоводства и наметили его пути, а именно: в Сибири основу в насаждениях должны составлять ягодники. Кащенко, выходец с Украины, увидел большое разнообразие ягодников в Сибири, назвав Сибирь «царством смородин». Кажется, это простая мысль, очевидная. К природе надо присмотреться и покориться ей. Ягодники успешно зимуют под снегом и плодоносят рано, с 2–3-летнего возраста. Михаил Афанасьевич понял это, перенял от Кащенко и не уставал повторять до конца жизни, что основное место в садах Сибири должны занимать смородина, малина, облепиха, крыжовник, жимолость, земляника, а в будущем и другие ягодники, например, рябина. Ее сибиряки любят за красоту, но уже есть гибриды нашей сибирской рябины с бузинолистной рябиной с Камчатки (Сибирский ботанический сад, г. Новосибирск). Зинаида Ивановна Лучник вырастила в дендрарии института этот вид рябины с Дальнего Востока и отмечала ее перспективность введения в культуру: кусты вдвое ниже, чем у сибирской, плоды крупнее и вполне съедобные. Мичуринские рябины и Невеженская рябина в условиях нашего климата не всегда плодоносят.

Прибыв в Ойрот-Туру из Мичуринска, Михаил Афанасьевич 5 февраля 1933 года закончил писать обоснование своей работы Ойротскому ОблЗУ и облплану о «создании в Ойротии плодово-ягодной базы и об организации плодово-ягодной научной работы», составил смету расходов и подробный перечень работ: первый раздел «Питомник», второй раздел – «Сад».

Михаил Афанасьевич надеялся, что в 1933 году ему удастся получить землю для опорного пункта в Ойрот-Туре и организовать экспедицию по Горному Алтаю хотя бы из трех человек. Он надеялся выкупить посылки с саженцами и семенами, которые он заказал в разных местах страны. Но денег нет. Их никто не дает – ни Мичуринский НИИ, ни «Крестьянская газета», ни

«Союзплодоовощ», ни местные Ойротские власти. Со стороны президиума ВАСХНИЛ получено разрешение на экспедицию, но материально ВАСХНИЛ ничем не может помочь. Михаил Афанасьевич пишет статьи в центральную печать. Одна его рукопись «Сибирь покрывается садами» помещена в сборник «Через колхозное опытничество к высоким урожаям» (апрель 1933 г.). Другая статья помещена в мичуринский номер «Крестьянской газеты», сообщила 10 июля 1933 года секретарь газеты Петуховская. Третья статья набрана в газете «Социалистическое земледелие».

4 июля 1933 года Федор Васильевич Смирнов из «Крестьянской газеты» пишет Михаилу Афанасьевичу:

Я просил несколько раз напечатать ее, обещают, но так и не напечатали. Ссылаются на более злободневный, кампанейский материал. Скажу откровенно, что я потерял всякую надежду по Вашему делу. Никто мало-мальски серьезно не интересуется, никто не хочет хоть сколько-нибудь подумать, двинуть пальцем, взять хотя бы малейшую долю ответственности. Главное, у нас даже в недрах «Крестьянской газеты» никого нет, с кем бы можно было поговорить о Вас. У нас так все сузилось и сократилось, что просто не идет ни в какое сравнение с тем, что было всего полгода назад.

Очень досадно, что дело, обеспеченное таким подлинным энтузиастом (поверьте, пишу это без малейшего комплимента), требующее очень скромных средств, упирается в равнодушие, формальности, бюрократические отталчивания и отписки. Я думаю, что надо Вам все-таки теревить местные, ойротские организации. Михаил Осипович Пантюхов в настоящее время обретается в Топкинском районе около Кемерово. Спишитесь с ним.

Смирнов Ф.В. принимал самое горячее участие в организации опорного пункта и судьбе М. А. Лисавенко.

В другом письме Смирнов пишет:

Мы с товарищем Пантюховым в самые последние дни решили попытаться поднять вопрос о Вас, алтайской экспедиции и вообще о вопросах сибирского ягодоплодоводства перед некоторыми товарищами, занимающими ответственное положение в директивных органах. Мы ставим вопрос в этих инстанциях, зная Вас как дельного, хорошо вооруженного знаниями человека, притом человека, можно сказать, насыщенного идеями сибирского ягодоплодоводства. Тут нужен какой-то особый, исключительный метод действий. Опыт показал, что идти обычным путем, обивать пороги хозяйственных организаций – это значит толочь воду в ступе. Вот мы и попробовали пойти несколько иным путем. Что из этого получится – увидим в ближайшие дни. Жму горячо руку.

Смирнов
28 мая 1933 г.

Следующее письмо от 9 июня 1933 года:

Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич, пишу Вам о том, что мне удалось сделать. Я обратился в сельхозотдел ЦК с просьбой оказать содействие Вашему делу. Там этим делом заинтересовались, но считают, что организовать экспедицию надо через мичуринский институт, а не вести это в таком частном порядке, как Вы предлагали в одном из последних писем (группа из трех человек). В сельхозотделе считают, что начинать надо с помещения Вашей статьи. Сельхозотдел по помещению статьи очень помог. Оттуда позвонили ответственному редактору «Социалистического земледелия» и в результате – Ваша статья полностью на днях будет напечатана. Номер газеты немедленно вышлю Вам.

После этого постараемся в «Социальном земледелии» созвать совещание по Вашим предложениям и будем опять ходить по учреждениям.

В сельхозотделе ЦК считают, что в условиях нынешнего года, может быть, и не придется ставить задачу стопроцентного проведения экспедиционных работ на Алтае. Может быть, достаточно ограничиться проведением рекогносцировочных работ к большой экспедиции в 1934 г. и созданием опорного пункта в Ойротии. Я считаю, что это мнение правильное. Вот что мне удалось сделать. Работать у нас нелегко, т. к. теперь при «Крестьянской газете» нет ни специального агротехнического издания, ни даже сектора агротехники, людей стало меньше. Раньше нам очень помогал Техпром НКЗ СССР, а теперь он, что называется, «дышит на ладан». Пока всего доброго. Ждите статьи. Буду писать.

Ваш Смирнов

Одновременно М. А. Лисавенко обращался почти ежедневно в партийные и советские органы, и наконец его приняли агрономом с 1 июля 1933 года в штат областного земельного управления. На это ушло полгода. Сразу же об этой победе он сообщил Смирнову. 15 июля 1933 года Смирнов Ф. В. пишет:

Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич, сегодня получил Ваше письмо. Видимо, не дошло до Вас мое последнее письмо, которое я писал в начале июля. Там я сообщал о неудаче со статьей – ее набрали, но до сих пор не напечатали (и ЦК не слушают). Все-таки я очень рад за Вас, что в Ойротии нашли кое-какие средства на организацию опорного пункта. Почему Вы только так мрачно смотрите на свою судьбу? Конечно, огромных трудов и лишений Вам стоило добиться решения вопроса, но ведь теперь начало положено. Это поможет дальнейшей работе и в известной мере облегчит ее. Пишу Вам на Бийск, ведь Ойротского адреса Вы не дали. Желаю всего доброго.

Смирнов

Ойротского адреса у него не было, ОблЗУ еще не купило ему избку. Сборник мичурин-

ского института с его статьей ему выслали в Ачинск. 3 августа 1933 года Смирнов пишет:

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сегодня после долгого отсутствия (с 17 июля) приехал в Москву и спешу ответить на Ваше письмо. Очень рад, что вам все-таки удалось встретить хорошее отношение со стороны ойротских организаций и удалось на первых порах сравнительно сносно обосноваться. Советую вступить в переписку с Союзплодоовощью, которая заинтересована в создании близлежащих к магистральным путям в Ойротии переработочных пунктов (экстрактных заводов) по плодово-ягодной продукции. Имейте в виду Союзплодоовощ на будущее время. Писать надо так: Москва, Мясницкая, Наркомснаб, плановый отдел, тов. Попову или тов. Гапон. Шлю дружеский привет.

Смирнов

4 октября 1933 года М. А. Лисавенко «для развода садоводства» отвели место в Татанковском логу. Это был подарок М. А. Лисавенко в день рождения – 3 октября ему исполнилось 36 лет. Как он позднее скажет – наступили лучшие, наиболее продуктивные годы его жизни. Он на радостях пишет Смирнову. 10 октября 1933 года Смирнов отвечает:

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сегодня получил Ваше письмо и сегодня же спешу ответить Вам. Меня оно очень порадовало. Без всяких комплиментов я все-таки должен сказать, что настоящий и упорный Вы человек. Настоящий сибиряк, из тех, которые побеждали сибирскую тайгу. Я очень рад, что, невзирая на трудности и равнодушие организаций и людей, Вы заложили начало серьезной работы в Ойротии. Желаю Вам от всей души успехов. Вы пишете, что я помог Вам. Ну, какая же помощь! А за других людей, которых я хотел привлечь к Вашему делу, стыдно и не хочется о них вспоминать. Эгоизм, боязнь нарушить собственное равновесие и при-

крытие тупого равнодушия отписками и соображениями – вот с чем я столкнулся. Да и сам я не сделал всего того, что надо бы сделать для поддержки Ваших начинаний. Ну да все это дело прошлое. Вы нас, москвичей, по настойчивости и упорству выше на целую голову.

Пишите, буду рад. Будете в Москве, обязательно заходите. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Смирнов

Саженцы, которые еще весной 1933 года привез М. А. Лисавенко из Ачинска, оставались в Бийске. Он так и не смог найти машину, чтобы перевезти их в Ойрот-Туру осенью, их прикопал до весны 1934 года в Бийске. В Татанакском логу «конь не валялся», надо было еще вспахать целину (там пасли скот).

Он пишет директору Мичуринского института В. А. Одинцову 8 октября 1933 года:

Если же говорить о неофициальной стороне, связанной с организацией опорного пункта, то пришлось бы мне сказать о тех мытарствах и злключениях, которые пришлось и приходится переносить мне на моих плечах, но об этом распространяться и занимать Вас не буду. Скажу только главное – дело сейчас обстоит так, что надо во что бы то ни стало осенью текущего года в текущем месяце совершить конкретные шаги по закладке питомника, и это дело может сорваться за отсутствием на месте средств... Было бы справедливым, если бы институт выполнил свое обещание о переводе немедля хотя бы 500 рублей.

Взывая о материальной помощи и надеясь осенью произвести работы, Михаил Афанасьевич еще не знал, что ему придется ехать в Топки Кемеровской области для участия в совещании по садоводству.

«Крестьянская газета» вызвала его в Топки. 11 октября 1933 года зав. ОблЗУ Корюгин и секретарь Старыгин выписывают удостоверение на поездку и бронь Ойротского облисполкома на покупку билета на поезд в кассе станции Бийск.

Не было в 1933 году никаких предпосылок для закладки садов в Топках. М. А. Лисавенко прибыл по вызову газеты 21 октября 1933 году, выступил по радио, а 22 октября сделал сообщение на заседании руководителей колхозов в райисполкоме. Садовод, учитель школы из Кемерово Митрофан Павлович Федоренко: «За 4–5 лет вырастил сибирские ягодники и яблоню Боровинку. Она всем казалась неправдоподобной своими южными крупными размерами». Выступил Иваницкий из Томского государственного университета, был на совещании А. Д. Кизюрин из Омского СХИ. Участники совещания приняли письмо к первому секретарю ЗапСибкрайкоматов. Эйхе, где говорилось, что «передовой Топкинский район берет на себя почин – посадить не меньше 5 деревьев на каждый двор, это составляет по району 35 тыс. плодовых деревьев в первый сезон посадки». Основу письма Эйхе составляет доклад М. А. Лисавенко, где он говорит о большом значении ягодников для Сибири, о создании сети питомников, об организации одного-двух образцовых совхозов, о подготовке кадров колхозных садоводов, о созыве первого съезда опытников, энтузиастов сибирского садоводства. Письмо подписали руководители района, газетчики, агроном МТС и шесть председателей колхозов. Корчуганов, председатель колхоза, рассказал, что у них в «Осиновой гриве были раньше кусты малины, нависавшие через тын, плодородные большие кусты. Их рассадить можно и сейчас, потому что корни целы». Мацук из колхоза им. Блюхера рассказал о кустах смородины, растущих перед его колхозом, в лесу. «Корчуганов и Мацук дали обещание немедленно двинуть в ход колхозное плодоводство».

«Председатель райисполкома тов. Клещук пообещал крепко организовать это дело и отнестись к колхозной яблоне со всей серьезностью».

Михаил Афанасьевич сохранил несколько газет. Продолжение этого совещания находим в заметке Федосия Дикальчука «Сад

будет и у нас» в «Крестьянской газете» от 18 ноября 1933 г., подзаголовок «Дело за посадочным материалом».

Приехал председатель нашего колхоза Мацук из Топок, где собирала «Крестьянская газета» совещание по сибирскому плодоводству, и разволновал колхозников рассказами о фруктовых садах, которые могут зацвести в нашей Тыхте. Много у нас украинцев, и все они издавна мечтают о черешне и тополе над своим домиком, как в оставленной давно Волини. Марк Луканчук даже пробовал выращивать садок семенами, завезенными из Кременца. Ветки распускались, как сибирского тальника и цвели каждый год, но мошка поела цвет. В этом году только 8 ягод было на деревце. Но, значит, черешня расти у нас может. И у яблони Марка Луканчука тоже начинается разрастаться ствол.

Был у нас еще Кондрат Пенчук. Он имел сад – до 30 корней вишни, до 50 черешен и около 70 ясеня. Пенчук уехал в отход, бросил свои деревья, и сад пошел в пустыню. Даже ясень, с охватом ствола в 25 см, обглодала скотина. А теперь «Крестьянская газета» снова заставила нас крепко подумать о плодоводстве. Мы решили посадить на будущий год до тысячи корней, и около 50 колхозников уже сейчас внесли деньги на закупку. Я сам буду заводить сад. Мне нужна яблоня, черешня и вишня, а еще тополь. У тополя клейкие почки, он забирает пыль и очищает воздух, а своей пушистостью дает усадьбе красоту. Приеду с селькоровского слета, еще раз поговорю в сельсовете и в правлении колхоза, подыму нашу общественность, обязательно доведу дело до конца. А когда начнем разводить сады, отдам я этому делу свое умение. Я знаю, как делить яблоню из щепы, когда росток идет из земли. Дайте только садовый инструмент и корень.

Тут же помещена заметка Я. Рыкова «Пять корней на каждый двор»:

Решили мы так: на каждый двор посадить по 5 корней яблонь, и тогда наш Порискижим, просуществовавший с 1755 г. без единого фруктового дерева, скоро будет цветущим фруктовым садом. Сбор средств на приобретение саженцев уже начат. Крепче всего взялись за дело садоводства селькоры. Они обязательно доведут начатое дело до конца.

Как жили крестьяне в 1933 году? Вот лучший колхоз им. «Крестьянской газеты» Топкинского района. «В колхозе свыше 100 дворов, 716 га посева яровых культур, урожайность 14 ц/га. План поставки зерна государству колхоз выполнил к 5 сентября, к 13 сентября сдал МТС натуроплату. На трудодень колхозникам пришлось 6 кг хлеба и 1 рубль 62 копейки деньгами. Колхозники показали ударные темпы в работе. Некоторым колхозникам пришлось работать без выходных дней целые месяцы, спать неделями не раздеваясь, в короткую летнюю ночь спать 3 часа. На 3 года вперед составлен план, колхозники получают на 1 трудодень: 6,5–9,5 кг зерна и 1,8–6 руб. деньгами».

Негусто. Один килограмм мяса стоил в 1933 году на колхозном рынке 10–12 руб. И второе: не каждый день можно было заработать один трудодень.

В конце статьи в «Крестьянской газете» от 27 ноября 1933 года читаем: «Работы хватит для всех, но никому не нужно будет работать до изнурения сил, труд будет легким и радостным». Почему же труд будет легким? Может быть, трактора заменят лошадьми? Нет, товарищ Сталин сказал: «Конь, верный помощник колхозника, не утратит своего значения основной силы и на ближайшие 3 года и позднее. Это особенно крепко нужно запомнить левакам, недооценивающим коней». В 1936 году запланировано выделить в колхозе им. «Крестьянской газеты» средства на медицинский пункт, построить детские ясли. Дети будут вволю питаться, гулять

в цветнике и фруктовом саду. Да, в саду яблонь, вишен и груш, который будет разбит с весны 1934 года. Неузнаваемо изменится лицо села Осиновая Грива. Ветхие избы будут снесены, новые чистые веселые избы придут на смену подслеповатым хибаркам. Сделать все колхозы большевистскими, а всех колхозников зажиточными – этот лозунг товарища Сталина претворяется в жизнь. Классовый враг разбит, но не добит. Есть еще и в колхозе «Крестьянской газеты» кулаки, прикрывшиеся званием колхозника. Они будут разоблачены и изгнаны из колхоза».

В эти годы отношение к крестьянам-труженикам изменилось, разоблачены «культурные кулаки» И.Л. Худяков, И. П. Бедро, будут расстреляны Самойленко, И.А. Кухарский, А.М. Лисавенко (отец М. А. Лисавенко) и многие другие садоводы, крестьянские труженики.

Эйхе ответил руководителям и жителям Топкинского района:

Товарищи топкинцы!

Ваша инициатива взяться за разрешение сибирского садоводства, вывести его из стадии любительства и сделать достоянием колхозных масс и растущих пролетарских центров, должна быть поддержана общественностью края, и я ее горячо приветствую. Разрешая эту задачу, мы неизбежно столкнемся с недостатком посадочного материала. КрайЗУ должно вплотную заняться этими вопросами и в первую очередь надлежащей постановкой работы опытных учреждений, подготовкой кадров садоводов, созданием сети питомников. Согласен, что созыв съезда опытников-плодоводов и ударников даст толчок популярности садоводства. Надеюсь, что общественность Кузбасса и крупных городов края подхватит Ваш почин. Желаю успехов.

Эйхе

Мы знаем, что Эйхе вскоре был репрессирован. КрайЗУ не то что вплотную, а вообще

никак не занималось садоводством, нужен был хлеб, мясо, а потом война, людские потери, восстановление после войны – не до садов было.

Вернувшись в Ойрот-Туру, М. А. Лисавенко в декабре 1933 года не забыл поздравить с юбилеем корифея российского садоводства академика В.В. Пашкевича, он писал:

...Мы, сибиряки-опытники, помним и ценим то внимание и то глубокое понимание идеи сибирского садоводства, которое Вы показали еще много лет тому назад, когда пытались защитить перед превосходительными чиновниками эту идею, добиваясь помощи сибирякам-плодоводам. И сибиряки вместе с Вами разделяли горькое чувство от ответа: «Все это химеры, я не могу позволить, чтобы государственные средства тратились на пустые затеи».

Прошло то проклятое время, когда на сибирское садоводство смотрели, как на химеру. Сибирь получила опытные плодово-ягодные станции, широкие колхозные массы втягиваются в великое дело садоводства. Победа идеи сибирского садоводства обеспечена, и в этом одна из Ваших многочисленных заслуг, дорогой Василий Васильевич!

Многих Вам лет дальнейшей плодотворной работы на благо родного садоводства!

Мих. Лисавенко

В одном из писем от 27 апреля 1934 года В. В. Пашкевич писал Михаилу Афанасьевичу:

Велика Сибирь, велик простор в ней для разных новых начинаний, а садоводство уже не ново. Однако, и о нем необходимо еще трубить, чтобы везде было слышно и везде о нем заботились и применяли достижения сибирских опытников; плоды необходимы для масс рабочих, народившихся новых центров промышленности и коренного населения! Да процветет же сибирское садоводство! Прошу принять уверение в искреннем уважении.

В. Пашкевич

В декабре 1933 года с рукописью своей первой книжки «Плоды и ягоды – на север» Михаил Афанасьевич едет к И. В. Мичурину. «С волнением поднимался я на второй этаж к Ивану Владимировичу. Два долгих зимних вечера посвятил он беседе со мной.

«Иди на пролом! Умей стоять за свое дело!» – Такими словами напутствовал меня великий Мичурин 2 января 1934 года».

«Крестьянская газета» напечатала книжку М. А. Лисавенко с предисловием Мичурина. «Окрыленный возвращался я на Алтай. В памяти звучали мичуринские слова как призыв продолжать начатую работу мичуринского филиала на Алтае». Так закончился первый, самый трудный 1933 год.

Мощная моральная поддержка шла от великих плодоводов России – Пашкевича и Мичурина Михаилу Афанасьевичу. Позднее он говорил, что тратил много сил на агитацию за сады, ведь местное население приучалось к оседлости.

Благодаря его энергичной научной и общественной деятельности повсеместно в Сибири садоводы-опытники объединялись в общества. Такое общество действовало и в Кемерово. В августе 1958 года оно организовало выставку плодов и цветов, конференцию и пригласило М. А. Лисавенко. Он ответил следующим письмом:

Правлению Кемеровского городского общества садоводов-мичуринцев

Сердечно приветствую участников конференции старейшего в Сибири общества мичуринцев и поздравляю вас со знаменательной юбилейной датой плодотворной работы по развитию коллективного и приусадебного садоводства кемеровских рабочих и служащих.

Радуюсь вместе с вами, что посеянные тридцать лет тому назад семена, когда еще мало кто верил в возможность сибирского садоводства, дали добрые всходы и жатва их обильна.

Теперь повсеместно сотни тысяч семей рабочих и служащих находят приятный отдых и труд среди плодовых и ягодных насаждений. Сады рабочих и служащих – одно из замечательных отражений заботы партии и правительства о благе народа.

От души желаю вам, дорогие товарищи, дальнейших успехов в вашей благородной мичуринской деятельности.

Академик Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. Ленина,
доктор с.-х. наук М. Лисавенко

Барнаул, 15 августа 1958 г.